

УДК 321

**“БАЛАНС СИЛ” И “БАЛАНС ИНТЕРЕСОВ” – ПРИНЦИПЫ ИНСТИТУЦИОНАЛИЗАЦИИ
МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ “НАЦИЙ-ГОСУДАРСТВ”
(АСПЕКТ ИСТОРИКО-ЛОГИЧЕСКОГО ИЗМЕРЕНИЯ)**

А.Д. Дононбаев

Раскрываются методологические аспекты международных отношений в сфере взаимодействующих национальных интересов.

Ключевые слова: нация; государство; политическая институализация; миропорядок; суверенитет; национальный интерес; международные отношения.

История международных отношений и теория международных отношений как научно-исследовательские и учебно-методические дисциплины складываются на основе единства двух факторов:

- во-первых, последовательного, систематического *описания* множества разнообразных *событий*, имевших свое место в долговременном взаимодействии государств;
- во-вторых, их обобщенного, синтезирующего *анализа* с целью выявления реальных фактов и механизмов, определяющих облик мировой политики.

В последние десятилетия интенсивно развивающаяся политологическая и социологическая мысль все больше отказывается от жестких детерминистских парадигм, например, марксистской и структурно-функционалистской, предполагающих обусловленность общественных структур, в том числе *институциональных*, каким-либо одним фактором: в первом случае экономическим, во втором – ценностями культуры. Решающую роль в процессе институционализации, согласно современным теориям, играет совокупный социальный субъект, т. е. конкретные живые люди, которые в самой жизненной практике воздействуют и преобразуют политические структуры. Причем становление определенной *институциональной среды* происходит не в результате действий самих по себе людей, или, напротив, функционирования каких-то обособленно рассматриваемых политических, экономических, культурных структур, а только в ходе их органического взаимодействия, даже “слияния”.

Институциональный процесс есть своеобразная целостность “включенности” экономических, политических, культурных и прочих структур

в деятельную сущность человека, и наоборот, человеческих побуждений и деяний в сущностные характеристики экономических, политических, культурных структур. Следовательно, процесс институционализации международных отношений оказывается результатом взаимодействия по крайней мере двух уровней: *функционально-структурного и человеческого факторов*.

Политическая институционализация национальных государств имела различные черты своего проявления. Одна из них выразилась в том, что превращение национальных государств в ведущего “актора” мировой политики способствовало переходу от спонтанно-хаотического “броуновского движения” к более или менее организованным и управляемым международным отношениям. Объективно-логическим следствием такого преобразования оказывается уже сам процесс *институционализации международных отношений*.

В системе международных отношений действует так называемый “закон силы”, согласно которому по мере достижения государством экономической и военной мощи, равновеликой мощи других ведущих держав, оно неизбежно начинает требовать либо уравнивания себя с ними по статусу в рамках существующего миропорядка, либо изменения самого этого порядка. В связи с этим интерес представляет любопытное рассуждение О. Шпенглера о том, что господство Древнего Рима над значительной частью Ойкумены основывалось не только на избытке силы, но и на слабости сопротивления у побежденных народов, отказывающихся от самоопределения.

Устойчивый миропорядок появился не сразу: он стал возможным лишь на определенной ста-

дии развития цивилизации. Не случайно первая в истории человечества прочная и устойчивая система международных отношений – так называемый “европейский концерт” – сложилась лишь в начале XIX в., т. е. после образования мирового рынка и наполеоновских войн, покончивших с партикуляризмом и феодальной замкнутостью в странах Западной и Центральной Европы. Просуществовав вплоть до середины XX в., “европейский концерт”, бывший своего рода кондоминиумом великих европейских держав, прекратил свое существование, сменившись новой международной системой – биполярной. Биполярный миропорядок рухнул и на смену ему идет новый мировой порядок [1, с. 8].

Конечно, из данного положения вовсе не следует, что в предшествующие эпохи не складывалась ситуация организованного взаимодействия межгосударственных связей. Однако необходимо учесть следующее обстоятельство. В структурно-типологическом, *“парадигмальном”* измерении, т. е. определяющей роли какого-то стержневого принципа, выступающего в качестве нормы “сознания и поведения” государств, этапы качественного обновления международных отношений могут быть разграничены по трем историческим периодам. Первый период, охватывающий древность и средневековье, представляет собой целостную эпоху международных отношений, в которой доминирующими становятся такие нормы, как *“поглощение”* и *“подчинение”* государств друг другом. Второй период начинается в эпоху европейского Возрождения и Реформации и протягивается через все Новое время. Здесь доминирующей в международных отношениях выступает уже такая норма, как *“сосуществование”* государств. Норматив “сосуществования” превращается в ведущий фактор так называемой Вестфальской системы международных отношений. В данной системе мироустройства сосуществование, определяемое принципом *“суверенитета государств”*, неизбежно вынуждает “актеров” придерживаться в своих взаимоотношениях формально установленных правил. В этот исторический период складывается институт международного права. Данный момент в значительной степени *упорядочивает, цементирует* систему международных отношений. И наконец, истоки третьего периода зарождаются во второй половине XX в. Становится очевидным, что решающая роль в формировании системы международных отношений в складывающемся новом миропорядке в конце концов будет принадлежать *“взаимозависимости”* и *“сотрудничеству”* государств.

В реальной практике международных отношений во все эпохи имели место и поглощение,

и сосуществование, и взаимозависимость. Но специфическую логику развития международных отношений в каждую эпоху определял лишь один из указанных нормативов.

Политическая институционализация в Новое время характеризуется постепенным разрушением феодальных империй, держав, сеньорий и образованием качественно иного типа политической организации – национального государства (“нации-государства”). Появление на исторической арене “наций-государств” положило начало новой Вестфальской системы международных отношений. В 1648 г. в Европе закончилась долгая и мучительная “Тридцатилетняя война”. Был подписан Вестфальский договор, закрепивший новые правила международной политики. “Вестфальское” государство основывалось на принципах *суверенитета*, гражданства и неприкосновенности границ. Принцип суверенитета был важнейшим завоеванием европейского мироустройства на протяжении всего Нового времени.

Конечно, как и раньше, в изменившихся ново-европейских условиях считалось, что применять военную силу, защищая государственные интересы, есть совершенно необходимое условие обеспечения безопасности страны. Поэтому войны казались неизбежными. Формирующаяся система “баланса сил” не предполагала предотвращения международных кризисов и военных конфликтов. Она лишь сужала до определенных масштабов военные действия и господство одних государств над другими. Ее целью было не достижение постоянного мира, а обеспечение стабильности и умеренности, не позволяющей ниспровергнуть существующий международный порядок и ввести мир в состояние хаоса. Вестфальская система мироустройства предстает той *институциональной средой*, в рамках которой отныне происходит функционирование международных отношений.

Современный этап развития мировой цивилизации ставит перед нынешними поколениями такие проблемы, которые невозможно решить лишь на основе принципа “баланса сил”. В их числе использование сырьевых и энергетических ресурсов в масштабах всего мира, овладение новыми источниками сырья и энергии, сохранения природной среды, освоение космоса и мирового океана и т. д. От них не уйти ни нынешним, ни тем более грядущим поколениям, и ни одна из них не поддается решению с позиции силы. Они могут быть решены только в условиях мира и всестороннего международного сотрудничества, т. е. утверждения принципа “баланса интересов”.

Среди идей нового политического мышления во второй половине 80-х – начале 90-х гг. XX в.

одно из важнейших мест занимал тезис о необходимости решать международные проблемы *не посредством силы, путем ее уравнивания, а на базе учета интересов всех сторон и нахождения баланса этих интересов.*

Если перейти на уровень конкретной теории международных отношений, то ее ключевым понятием, видимо, призван стать именно принцип “баланса интересов” как основополагающий стержень взаимодействия субъектов на международной арене. Идея этого баланса в настоящее время еще не получила достаточного концептуального обоснования и по существу до сих пор остается все еще лозунгом – красивым, привлекательным, но для многих не вполне убедительным. Однако реальный опыт Европейского Союза и других региональных объединений в современном мире доказывает возможность осуществления “баланса интересов”. Становление “Европы регионов” доказывает, сколь плодотворным является сотрудничество на основе принципа “баланса интересов”. И все же, по видимому, “баланс интересов” это грядущая перспектива. Пока же в реальном проявлении международных отношений доминирующим остается принцип “баланса сил”.

Конструктивным в этом плане представляется подход, уже заявивший о себе в научных дискуссиях, согласно которому “баланс сил” и “баланс интересов” не противоположные, а взаимодополняющие категории [2, с. 3–15; 3, с. 303–324; 4, с. 16–25; 5, с. 45–58]. Причем представляется, что “баланс интересов” является более широким понятием, включающим в себе “баланс сил” в качестве составной части. Необходимо еще раз остановиться на том, собственно говоря, что обеспечивает “балансирующую роль” самих понятий “силы” и “интереса”.

По мнению В. Удалова, существует классификация, в которой выделяются три основных типа интересов: *совпадающие, взаимоисключающие и непересекающиеся* [4, с. 19]. Каждый из этих типов, рассматриваемый изолированно, так сказать, в “веберовском” “идеал-типическом” преломлении соответствует определенной модели международных отношений. Совпадающие определяют так называемую “кооперативную” модель взаимоотношений; взаимоисключающие – непримиримо конфронтационную; непересекающиеся – своеобразно нейтральную. В реальной действительности все три типа интересов, находясь в состоянии институционализации, почти всегда совмещаются и действуют одновременно, соответствующим образом влияя на преобладающий характер отношений. Но в аналитических целях их можно вычле-

нять и сопоставлять между собой. Такая операция, в частности, необходима для определения возможных параметров институционализации баланса интересов. Сам процесс институционализации в этом ракурсе предстает как сложно противоречивый и неоднозначно зигзагообразный. Приступая к подобной процедуре, прежде всего следует уточнять, когда мы говорим о балансе интересов, речь идет о балансе *удовлетворенных* интересов, то есть параллельном удовлетворении без какого-либо ущемления каждой стороны.

Совпадающие интересы могут быть в равной степени удовлетворены именно благодаря тому, что являются, по существу, не одинаковыми, а общими. Одинаковые интересы отталкивают, а общие, напротив, сближают позиции государств. Совпадающими в подавляющем случае являются интересы, например, общей потребности в существовании международной системы коммуникаций, развитии международной торговли, соблюдении международных норм и т. д. Особый случай – совпадающие интересы по устранению какой-то угрозы, нависшей над всеми членами мирового сообщества.

Совершенно по иному выглядит ситуация с взаимоисключающими интересами. Взаимоисключающие интересы являются порождением принципиальной несовместимости позиций сторон. Само их содержание создает непроходимый заслон на пути к их взаимному удовлетворению. Такого рода столкновение интересов навязывает странам “игру с нулевой суммой”, когда выигрыш одной стороны обеспечивается за счет соответствующего проигрыша другой, не иначе, как путем силового противоборства, нередко в насильственных формах. Здесь процесс институционализации международных отношений совершается, если так можно выразиться, как бы в противоестественном состоянии.

Несовместимость интересов, воспринимаемых их носителями как жизненно важные, до последнего времени питала глобальный конфликт между двумя мировыми системами – социализмом и капитализмом. Сегодня эта же проблема продолжает оставаться ядром многих региональных конфликтов. Выделяя эту специфику, В. Удалов обоснованно замечает: “Например, на Ближнем Востоке формула “мир в обмен на землю”, могла бы, видимо сработать, если бы Израиль нуждался только в мире, но не в территории. Но пока что этого не происходит, несмотря на выраженную ООП готовность признать Израиль и строить с ним мирные отношения”.

В этой ситуации побудить израильтян и палестинцев пойти на какой-то компромисс можно было лишь в случае “вымывания” силовых методов,

которыми пропитаны взаимоисключающие интересы сторон, то есть на базе все того же баланса сил, но за счет его смещения к мирным средствам. Ни о каком другом – рациональном или моральном – стимуле для Израиля и Палестины в нынешней складывающейся ситуации вообще не приходится говорить. Формирующаяся ныне благоприятная институциональная среда постепенно разрешающегося палестино-израильского конфликта не терпит хаотического брожения взрывоопасных тенденций и вооруженных силовых приемов.

Соответственно возникает вопрос: как применить концепцию баланса интересов к столкновениям взаимоисключающих интересов, которые изначально подчиняются законам баланса сил?

Как известно, при формировании интереса, наряду с объективными факторами, действуют множество субъективных моментов, приводящих порой к значительным отклонениям декларируемых интересов государства от его действительных потребностей. Далее, на основании своих интересов и с учетом реальной ситуации, субъект ставит конкретные цели, достижение которых могло бы, по его мнению, способствовать удовлетворению этих интересов, а затем в соответствии с конкретными условиями выбирает средства. Неоднозначность всего этого процесса на каждом этапе порождает многовариантность политического выбора. Интерес может быть выражен не одной, а несколькими различающимися позициями и самими разнообразными политическими акциями.

В ситуациях, когда возможности рационального выхода из конфликта уже упущены или не найдены, остается иной путь. Речь идет о том, что при затяжном столкновении взаимоисключающих интересов, когда решающим фактором остается баланс сил, его состояние может претерпевать такие качественные изменения, которые сами способны генерировать у враждующих сторон новые, на этот раз совпадающие интересы. Они то и побуждают стороны ограничивать масштабы конфликта и вести дело к его урегулированию.

Другой вариант качественного преобразования баланса сил – разрастание самой силы до размеров, приобретающих разрушительный для ее обладателей характер. Этот вариант был реализован в осознании ведущими ядерными державами СССР и США губительных последствий дальнейшего силового соперничества и в проявлении отчетливого интереса к переводу глобальных процессов из конфронтационно-конфликтного в позитивно-конструктивное русло.

Суть нахождения баланса интересов, таким образом, сводится в нейтрализации взаимоисключающих

интересов. Это возможно путем перевода взаимоисключающих интересов в разряд непересекающихся или совпадающих. Баланс интересов не является чем-то принципиально новым в истории международных отношений. Также как и баланс сил, баланс интересов достигался в определенных исторических ситуациях, но чаще всего стихийным путем. Вместе с тем реалии XXI в. выдвигают его на лидирующее место в арсенале современных политических средств. Более того, можно сказать, что именно на рубеже XX–XXI вв. впервые сложились объективные предпосылки и условия для все более широкого функционирования баланса интересов в системе международных отношений. Возникновение и разрастание таких глобальных угроз, как международный терроризм, организованная преступность, наркобизнес и т. д., заставляет мировое сообщество придать такому функционированию более целеустремленный характер. Разумеется, такой переход будет неизбежно сопряжен с большими трудностями. Модели, о которых шла речь, работают не спонтанно. Лишь взаимное сочетание высокого политического искусства с глубоко научным осмыслением взаимодействующих национальных интересов, подлежащих “балансированию”, дает плодотворные результаты.

Подытоживая, нужно сформулировать следующее понимание исследователями системы баланса интересов: а) в узком смысле – это баланс между непересекающимися интересами одной и другой стороны; б) в широком – комплексный баланс всей системы взаимодействующих интересов, в котором, наряду с непересекающимися интересами, также уравниваются группы взаимоисключающих и совпадающих интересов.

Литература

1. *Валлерстайн И.* Конец знакомого мира: социология XXI в. / пер. с англ.; под ред. В.Я. Иноземцева; Центр исследований постиндустриального общества / И. Валлерстайн. М.: ЛОГОС, 2003.
2. *Богданов Р., Кортунов А.* О балансе сил / Р. Богданов, А. Кортунов // *Международная жизнь.* 1989. № 7.
3. *Рогов С.М.* Советский Союз и США: поиск баланса интересов / С.М. Рогов. М., 1989.
4. *Удалов В.* Баланс сил и баланс интересов / В. Удалов // *Международная жизнь.* 1990. № 5.
5. *Косолапов Н.* Сила, насилие, безопасность: современная диалектика взаимосвязей / Н. Косолапов // *Мировая экономика и международные отношения.* 1992. № 11.